

СЛАВЯНСКИЕ ЭТЮДЫ

© 1996 г., ЭО, № 3

Н. Л. Пушкарёва

РУССКАЯ СЕМЬЯ X—XVII вв. В «НОВОЙ» И «ТРАДИЦИОННОЙ» ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Интерес к истории Человека, попытки понять, что казалось нашим предкам значимым и важным, а что — второстепенным и несущественным, чем была наполнена их жизнь, каковы были ее ценности и насколько они соотносимы с современными, связаны с переориентацией исследований российских ученых, происходящей на глазах. Российская наука, долго изучавшая совокупности, большие массы людей, их движения и социально-экономические изменения, лишь к середине 1980-х гг. признала важность таких «периферийных» тем, как история женщин, история детства, история сексуальности. Работ по исторической демографии русского средневековья непросто мало. Слабо известна российским историкам и так называемая «новая демографическая история» — исследование историко-демографических сюжетов через призму демографических представлений, а также путем выявления связи образа мышления (менталитета) и демографических трансформаций¹.

Источниковая база российских исследователей существенно отличается от источниковой базы исследователей западноевропейской истории чисто количественно: она охватывает всего несколько тысяч наименований, мало изменилась с прошлого века (хотя и включила в себя новые виды источников типа берестяных грамот) и остается так или иначе традиционной. Специалист по проблемам русского средневековья (X—XVII вв.) не располагает такими видами источников, как церковно-приходские книги, городские кадастры, «семейные записки», авторские трактаты; менее разнообразны, но зато многочисленны сохранившиеся от X—XV вв. административные документы, фискальные переписи, материалы канонического права. Если бы выявление интересующих нас историко-демографических сведений, касающихся древнерусской и средневековой истории России, было бы не столь трудоемко и лежало «на поверхности», эти вопросы непременно привлекли бы внимание еще дореволюционной историографии.

И все же нам кажется возможным извлечь из источников по истории русского быта X—XVII вв. некоторые сведения по «новой» и «традиционной» демографической истории. Например, можно попытаться проследить основные пути эволюции русской семьи в эпоху раннего и развитого средневековья, а также определить, насколько соответствовала принятая модель семьи и представлений о родстве и браке реальным формам супружеских союзов. Это, в свою очередь, может помочь выявлению «макрофакторов», воздействовавших на демографическое поведение; реконструкции ценностных ориентаций, связанных с браком, у средневековых русов. Комплексное историко-демографическое, религиозно-антропологическое исследование истории русской семьи может помочь определению культурных влияний на изменение демографических стереотипов, охарактеризовать некоторые демографические представления X—XVI вв.

Данные, позволяющие высказать гипотезы в этой области, собраны нами в процессе работы над «историей женщин» в Древней Руси и средневековой Московии. Почерпнутые из различных источников, как *нормативных* (канонических

и светских законодательных актов, Кормчих книг и другой византийской литературы, имевшей хождение на Руси, агиографии, покаянной и епитимийной литературы, требников), так и *ненормативных* (летописей, актов землевладения и землепользования, эпиграфического и сфрагистического материала, тех же епитимийников, но рассмотренных под иным углом зрения), сведения эти очень немногочисленны и лаконичны. И все же они не исключают попытки составить из них цельную картину.

* * *

В обыденном словоупотреблении слово «семья» подразумевает какую-то конкретную реально существующую группу. Демография же понимает под этими понятиями не конкретные объекты, а совокупность тесно взаимосвязанных систем отношений разного порядка. Рассматривая родство как универсальный феномен, присущий всем обществам, исследователи семьи неизменно выделяют несколько составляющих элементов этого понятия. Среди них определение, во-первых, типа конкретных семейных единиц, характерных для данного общества и данной эпохи; во-вторых, принципов организации родственной преемственности (правил, по которым передавались моральные и материальные атрибуты родства: имена и имущества); в-третьих, правил вступления в брак, позитивных и негативных, которыми руководствовались сознательно или подсознательно при заключении супружеских союзов; в-четвертых, систем поведения, специфических для каждого уровня степеней родства (отец/мать — дети, дядя — племянники, старики — их внуки и т. п.)². Обратимся и мы к этим элементам.

Вопрос о формах русской семьи в эпоху средневековья несколько раз вызывал дискуссии в российской историографии³. Большинство российских историков и этнографов полагают, что развитие семьи у восточных славян, начиная с догосударственного времени, т. е. VII—IX вв., и буквально до эпохи промышленной революции шло в одном направлении: от крупных, «многоядерных» патриархальных семейных групп к малым, «однойдерным» семьям⁴. При этом одни историки считают, что «большие» семьи численно преобладали в средневековую эпоху⁵, а «малые» хоть и существовали, но не были типичными⁶. Другие настаивают на преобладании с самого раннего периода, с X в. и эпохи христианизации, «малых» семей, упрекая сторонников тезиса о преобладании большесемейной организации на Руси в искусственной архаизации социальных отношений, «занижении» уровня их развития⁷. Десятилетие назад было выдвинуто предложение не смешивать большую семью догосударственной и раннегосударственной эпохи с семьей неразделенной, типичной для более позднего времени, в том числе и для XIX — начала XX вв. Сторонники последней точки зрения полагали, что неразделенные и малые семьи существовали параллельно с древнейших времен и дожили, в определенном смысле, до сегодняшнего дня. Присоединяюсь к этой точке зрения, мне остается только выразить сожаление, что вопрос о факторах, воздействовавших на сохранность или изменчивость в различные эпохи того или иного типа семейной организации в России, так и остается невыясненным⁸.

Но рассуждения о типологии семейных отношений в X—XVI вв. мало учитывают то обстоятельство, что в средневековой Руси, так же, как и в средневековой Западной Европе⁹, под семьей понималась не родственная группа, состоящая из родителей и детей, а совокупность всех родственников с челядью, домочадцами, рабами. Термин *семья*, близкий к пониманию сегодняшнего дня, включающий по крайней мере одних только родственников, начинает встречаться в источниках не ранее XIV в.¹⁰ Термин *родственник* — также позднего происхождения¹¹. Иное дело — понятие *род*, упоминающееся уже в древнейших письменных источниках (для русской истории это Повесть Временных лет и современные ей памятники XI в.)¹². Оно предполагало и совокупность поколений, происходящих от одного родоначальника (Рюриковичи, Кучковичи и т. п.), что соответствует понятию *Abstammungsfamilie*, употребляемому в современной западной социологии, и так-

же могло являться синонимом семьи. Часто в ранних письменных источниках прослеживается конструкция: имярек «с женою и с детьми»¹³, подразумевающая супружескую пару с «чадами».

Сознание семейного единства неизменно прослеживалось в наречении именами. Летописные материалы свидетельствуют, что наличие семейных наследственных имен (и, следовательно, осознание семейного единства) было типично не только для великокняжеской среды (где, как известно, семейным родовым именем с XIV в. стало имя Иван), но и для большинства семей привилегированного сословия¹⁴. Новгородские берестяные грамоты, позволяющие дать характеристику семейных связей в среде новгородских своеземцев и непривилегированных слоев русского города X—XV вв., свидетельствуют об употребительности большого числа ненаследственных и вообще редко используемых имен, в том числе северно-русских, греческих и библейских. Обращения по отчеству в берестяных записках почти отсутствуют¹⁵. В то же время в боярско-княжеской среде на Руси, — в связи со сравнительной ограниченностью круга употребляемых имен, — отчества были распространены издавна. Вплоть до XVIII в. именоваться по имени-отчеству разрешалось только высшим чинам¹⁶.

Применительно к женщинам из среды социальной элиты на Руси использовались и андронимы (наречение по имени мужа, зачастую опуская собственное имя: например, княгиня Анна, жена князя Всеволода Галицкого, звалась просто «Всеволожей»)¹⁷.

С XII—XIII вв., судя по летописным материалам, в княжеско-боярской среде появились прозвища — «прозвания»¹⁸, вначале имевшие индивидуальное применение, а с течением времени ставшие передаваться по наследству¹⁹, образуя фамилию в современном понимании этого слова. Иным способом дифференциации знатных семей, ведущих происхождение от одного предка, было использование в «фамилии» названия местностей, где они проживали и имели родовые владения (например, кн. Владимир Андреевич Серпуховской, кн. Юрий Звенигородский и т. п.)²⁰. Фамилия в сегодняшнем значении этого слова («наследственное имя семьи, устойчивое не менее как в трех поколениях»)²¹ — явление сравнительно позднее, однако переписные и кабальные книги конца XVI—XVII вв. свидетельствуют, что к этому времени они стали употребляться как неотъемлемая часть индивидуального имени не только в среде холоповладельцев, но и в среде непривилегированных сословий («Октября в 1 день к дьяку к Дмитрею Алябьеву Ондруша Дмитреев да Жданко Пупынин принесли служилую кабалу...»²²). Употребление фамилий было следствием укрепления семейных связей и распространялось начиная с верхов общества.

Помимо передачи по наследству «моральных атрибутов родства» (имен), сохранению и укреплению родовых связей способствовало наследование и его «материальных атрибутов». Речь идет о передаваемом из поколения в поколение движимом и недвижимом имуществе. Правила наследования претерпели длительную, сложную, противоречивую эволюцию на протяжении X—XVI вв.²³ Особенностью имущественных отношений в русской семье с самого раннего времени была *общность имущества* супругов при наличии в то же время у обоих супругов собственных *долей*. Исследование динамики укрепления материальной общности супружеского союза выводит историка-демографа к проблеме прочности и распространенности венчального брака и создаваемого на его основе семейного коллектива.

Независимо от источника пополнения семейного богатства, от того, было ли имущество обоих супругов принесено в семью или совместно нажито в браке, — все оно было подчинено одному назначению — сохранению и последующей передаче наследникам. Имущество, ранее принадлежавшее отдельному лицу, входя в общесемейное, меняло свой характер, становясь собственностью семьи (хотя и распоряжался им по преимуществу муж). Приданое в древнерусской семье не становилось собственностью его главы, напротив, гарантируя его сохранность в период существования брачного союза, муж вносил залог, *вено*. В случае смерти

мужа вдова владела венным имуществом, пока наследники мужа не выплатят ей стоимость внесенного ею приданого²⁴. В то же время помимо общесемейного имущества у каждого из супругов в древнерусской семье (уже с X в.) существовала и собственная *часть, выдел*. У женщин такое парафернальное имущество (т. е. имущество помимо приданого) комплектовалось разными путями: это были и принадлежавшие ей ценности, не оговоренные в «рядной записи» о приданом («сговорном»), и, скажем, наследство, оставленное первым мужем (если таковой был), и собственные «примыслы и прикупы». Наличие собственных частей, собственного имущества в браке регулярно создавало конфликтные ситуации: супруг пытался использовать в своих целях имущество жены или жена в отсутствие мужа самовольно распоряжалась не принадлежавшим ей добром. Такая ситуация (общность имущества супругов при наличии собственных частей жены и мужа, сохранении прав на них) прослежена нами на материалах всего домосковского периода X—XV вв.²⁵

Общим направлением в динамике развития имущественных прав женщин на Руси было (по крайней мере де-юре) расширение и законодательно-правовое оформление их дееспособности, наложившее свой отпечаток на междупружеские и вообще внутрисемейные отношения. Де-факто случаи распоряжения знатными женщинами недвижимым имуществом до XIII в. были сравнительно редки, а в XIII—XV вв. это стало явлением распространенным, хотя в генеральной совокупности актов имущественных сделок того времени документы имущественных распоряжений женщин составляют незначительную, примерно одну пятую, часть. Однако даже эти несколько сотен сохранившихся документов свидетельствуют об общей тенденции в X—XV вв. — к дроблению вотчин и ослаблению родовых связей в среде привилегированных слоев общества²⁶.

Что же произошло в XVI в. — переломном, рубежном не только в истории женщин России и истории семейно-брачных структур, но и в самой русской истории в целом? Формирование национального государства на русской земле происходило в специфических условиях, неблагоприятных для осуществления «революции идей» — ломки средневековых стереотипов, как то было характерно для Западной Европы. Трехвековое ордынское иго и, как его следствие, изолированность России от Европы, слабая урбанизация, законодательное оформление крепостного права, отсутствие «противовеса» православной идеологии и ее аскетическим постулатам (каким явился в Западной Европе протестантизм), усиление самодержавно-централизаторских тенденций в политико-административной сфере социальной жизни — все это способствовало формированию на Русской земле особого типа государства нового времени. Указанные выше факторы оказали непосредственное воздействие и на консервацию устоявшихся форм семейно-брачных структур, и на своего рода континуитет в развитии демографических представлений, и на отсутствие радикальных перемен, которые были характерны для Европы XVI—XVII вв.

Трансформации русской семьи и семейного быта, произошедшие в XVI столетии, в том числе в имущественно-правовой сфере²⁷, изучены в историографии еще хуже, чем те же вопросы на материалах древнерусской истории. Выделяя из общего комплекса проблем истории гражданского и семейного права того времени хотя бы вопрос о владении и наследовании различными видами имущества (как показателя сохранности семейного единства и влияния этого процесса на демографическое поведение — создание супружеских союзов того или иного типа), отметим, что нормативные памятники XVI в. отразили существование и неразделенных, и малых семейных коллективов.

На консервацию имущественного солидаризма и многопоколенных семей указывало стремление завещателей наделять имуществом всех членов семейно-родовой группы²⁸, составлять завещания одновременно мужем и женой, передавать имущество не отдельным лицам, а хозяйству, «дому»²⁹.

В то же время основными наследниками (как в любой нуклеарной семье) считались сыновья вместе с пережившим родителем. Явственна тенденция к

же могло являться синонимом семьи. Часто в ранних письменных источниках прослеживается конструкция: имярек «с женою и с детьми»¹³, подразумевающая супружескую пару с «чадами».

Сознание семейного единства неизменно прослеживалось в наречении именами. Летописные материалы свидетельствуют, что наличие семейных наследственных имен (и, следовательно, осознание семейного единства) было типично не только для великокняжеской среды (где, как известно, семейным родовым именем с XIV в. стало имя Иван), но и для большинства семей привилегированного сословия¹⁴. Новгородские берестяные грамоты, позволяющие дать характеристику семейных связей в среде новгородских своеземцев и непривилегированных слоев русского города X—XV вв., свидетельствуют об употребительности большого числа ненаследственных и вообще редко используемых имен, в том числе северно-русских, греческих и библейских. Обращения по отчеству в берестяных записках почти отсутствуют¹⁵. В то же время в боярско-княжеской среде на Руси, — в связи со сравнительной ограниченностью круга употребляемых имен, — отчества были распространены издавна. Вплоть до XVIII в. именоваться по имени-отчеству разрешалось только высшим чинам¹⁶.

Применительно к женщинам из среды социальной элиты на Руси использовались и андронимы (наречение по имени мужа, зачастую опуская собственное имя: например, княгиня Анна, жена князя Всеволода Галицкого, звалась просто «Всеволожей»)¹⁷.

С XII—XIII вв., судя по летописным материалам, в княжеско-боярской среде появились прозвища — «прозвания»¹⁸, вначале имевшие индивидуальное применение, а с течением времени ставшие передаваться по наследству¹⁹, образуя фамилию в современном понимании этого слова. Иным способом дифференциации знатных семей, ведущих происхождение от одного предка, было использование в «фамилии» названия местностей, где они проживали и имели родовые владения (например, кн. Владимир Андреевич Серпуховской, кн. Юрий Звенигородский и т. п.)²⁰. Фамилия в современном значении этого слова («наследственное имя семьи, устойчивое не менее как в трех поколениях»)²¹ — явление сравнительно позднее, однако переписные и кабальные книги конца XVI—XVII вв. свидетельствуют, что к этому времени они стали употребляться как неотъемлемая часть индивидуального имени не только в среде холоповладельцев, но и в среде непривилегированных сословий («Октября в 1 день к дьяку к Дмитрею Алябьеву Ондрюша Дмитриев да Жданко Пупынин принесли служилую кабалу...»²²). Употребление фамилий было следствием укрепления семейных связей и распространялось начиная с верхов общества.

Помимо передачи по наследству «моральных атрибутов родства» (имен), сохранению и укреплению родовых связей способствовало наследование и его «материальных атрибутов». Речь идет о передаваемом из поколения в поколение движимом и недвижимом имуществе. Правила наследования претерпели длительную, сложную, противоречивую эволюцию на протяжении X—XVI вв.²³ Особенностью имущественных отношений в русской семье с самого раннего времени была *общность имущества* супругов при наличии в то же время у обоих супругов *собственных долей*. Исследование динамики укрепления материальной общности супружеского союза выводит историка-демографа к проблеме прочности и распространенности венчального брака и создаваемого на его основе семейного коллектива.

Независимо от источника пополнения семейного богатства, от того, было ли имущество обоих супругов принесено в семью или совместно нажито в браке, — все оно было подчинено одному назначению — сохранению и последующей передаче наследникам. Имущество, ранее принадлежавшее отдельному лицу, входя в общесемейное, меняло свой характер, становясь собственностью семьи (хотя и распоряжался им по преимуществу муж). Приданое в древнерусской семье не становилось собственностью его главы, напротив, гарантируя его сохранность в период существования брачного союза, муж вносил залог, *вено*. В случае смерти

мужа вдова владела веновым имуществом, пока наследники мужа не выплатят ей стоимость внесенного ею приданого²⁴. В то же время помимо общесемейного имущества у каждого из супругов в древнерусской семье (уже с X в.) существовала и собственная *часть, выдел*. У женщин такое парафернальное имущество (т. е. имущество помимо приданого) комплектовалось разными путями: это были и принадлежавшие ей ценности, не оговоренные в «рядной записи» о приданом («сговорном»), и, скажем, наследство, оставленное первым мужем (если таковой был), и собственные «примыслы и прикупы». Наличие собственных частей, собственного имущества в браке регулярно создавало конфликтные ситуации: супруг пытался использовать в своих целях имущество жены или жена в отсутствие мужа самовольно распоряжалась не принадлежавшим ей добром. Такая ситуация (общность имущества супругов при наличии собственных частей жены и мужа, сохранении прав на них) прослежена нами на материалах всего домосковского периода X—XV вв.²⁵

Общим направлением в динамике развития имущественных прав женщин на Руси было (по крайней мере де-юре) расширение и законодательно-правовое оформление их дееспособности, наложившее свой отпечаток на супружеские и вообще внутрисемейные отношения. Де-факто случаи распоряжения знатными женщинами недвижимым имуществом до XIII в. были сравнительно редки, а в XIII—XV вв. это стало явлением распространенным, хотя в генеральной совокупности актов имущественных сделок того времени документы имущественных распоряжений женщин составляют незначительную, примерно одну пятую, часть. Однако даже эти несколько сотен сохранившихся документов свидетельствуют об общей тенденции в X—XV вв.— к дроблению вотчин и ослаблению родовых связей в среде привилегированных слоев общества²⁶.

Что же произошло в XVI в.— переломном, рубежном не только в истории женщин России и истории семейно-брачных структур, но и в самой русской истории в целом? Формирование национального государства на русской земле происходило в специфических условиях, неблагоприятных для осуществления «революции идей» — ломки средневековых стереотипов, как то было характерно для Западной Европы. Трехвековое ордынское иго и, как его следствие, изолированность России от Европы, слабая урбанизация, законодательное оформление крепостного права, отсутствие «противовеса» православной идеологии и ее аскетическим постулатам (каким явился в Западной Европе протестантизм), усиление самодержавно-централизаторских тенденций в политико-административной сфере социальной жизни — все это способствовало формированию на Русской земле особого типа государства нового времени. Указанные выше факторы оказали непосредственное воздействие и на консервацию устоявшихся форм семейно-брачных структур, и на своего рода континуитет в развитии демографических представлений, и на отсутствие радикальных перемен, которые были характерны для Европы XVI—XVII вв.

Трансформации русской семьи и семейного быта, произошедшие в XVI столетии, в том числе в имущественно-правовой сфере²⁷, изучены в историографии еще хуже, чем те же вопросы на материалах древнерусской истории. Выделяя из общего комплекса проблем истории гражданского и семейного права того времени хотя бы вопрос о владении и наследовании различными видами имущества (как показателя сохранности семейного единства и влияния этого процесса на демографическое поведение — создание супружеских союзов того или иного типа), отметим, что нормативные памятники XVI в. отразили существование и неразделенных, и малых семейных коллективов.

На консервацию имущественного солидаризма и многопоколенных семей указывало стремление завещателей наделять имуществом всех членов семейно-родовой группы²⁸, составлять завещания одновременно мужем и женой, передавать имущество не отдельным лицам, а хозяйству, «дому»²⁹.

В то же время основными наследниками (как в любой нуклеарной семье) считались сыновья вместе с пережившим родителем. Явственна тенденция к

расширению свободы воли завещателя, сохранению большого круга легаторов. Ограничительные распоряжения царской власти эпохи Ивана Грозного, касавшиеся имущественных прав дочерей, их недопущения к наследованию вотчинных земель, были вскоре изменены, и дочерям стали выделяться доли «на прожиток»³⁰. Но по сравнению со средневековьем, женщины в XVI—XVII вв. не имели прав на родовые земли («до вотчин им дела нет»). К 1627 г. женщины утратили права на выслуженные владения³¹, а купленные стали принадлежать им лишь на правах совладения³². Несмотря на явное стеснение имущественных прав женщин, отражавшее тенденцию к укреплению статуса родового землевладения, наличие собственных частей (выделов) жены и мужа в общем семейном имуществе сохранялось. Это и оставляло «лазейку» для упрочения малой формы семейной организации.

Закон отдавал предпочтение наследникам-мужчинам как носителям родового начала, но фактические требования хозяйственной жизни вынуждали создавать условия, поводы и формы для участия женщин (вдов и дочерей) в наследовании земли и распоряжении ею³³.

Со времен Русской Правды род землевладельца не представлял собой хозяйственной единицы: его коллективная собственность (вотчина) рано начала дробиться между сыновьями и дочерьми в равных долях, и потому допущение женщин к наследованию, владению, распоряжению недвижимым имуществом как в домосковский период, так и в XVI—XVII вв. говорит о сохранении тенденции к «разрыхлению» неразделенных семей³⁴. Развитие с XIV в. поместной системы, проникновение в быт комплекса обязанностей и прав, связанных с «государевой службой», также способствовало развитию малой семьи. Сын землевладельца, достигнув 15 лет, должен был уже служить, получая за это поместный оклад или пожалованную вотчину, или то и другое вместе. Это способствовало ранним бракам и выделению малых семей³⁵.

Что касается основной массы непривилегированного сельского населения, то процесс выделения малых семей и их распространения в XVI—XVII вв. шел медленнее, чем в городах: производственная деятельность сельских жителей требовала участия больших семейных коллективов. Сохранению межпоколенных связей, равно как неразделенных семей, способствовала и прочность сельской общины, дожившей в России (в отличие от Запада) до 20-х гг. XX в. Впрочем, в вопросе о скорости выделения малых семей у сельского населения России допетровского времени пока трудно выбрать из области догадок и предположений. Подсчетов (например, по переписным и оброчным книгам) почти не велось, беглый же взгляд на демографические характеристики отдельных районов, например Заонежья, Русского Севера, Северо-Запада (Новгородчины), Сибири привел исследователей к выводам, характеризующим не общую тенденцию, а ее локальные и временные особенности³⁶. Стоит принять во внимание и то, что для России было типично сосуществование и проживание на *одном* дворе двух, а иногда и более семей, ведущих *раздельное* хозяйство. Члены их считали себя принадлежащими к единому роду, семье и именовавших себя по отчеству или прозвищу общего предка³⁷.

О горожанах можно сказать подробнее. Зажиточные горожане («лучшие посажане») стремились избежать семейных разделов и жить в одном дворе, сообща держать слуг. Как и в деревне, их связывала общая торговая, промышленная или иная деятельность, нежелание дробить имущество семьи. Для XVII в., как показали исследования, распространенными (хотя и не слишком многочисленными) стали в среде зажиточных горожан неразделенные братские семьи³⁸, а также семьи, в которых семейный сын жил во дворе матери-вдовы³⁹.

Что касается непривилегированного городского населения, то многие его представители жили в России конца XVI — начала XVII вв. в составе малых семей: две трети или 69,5% — в семьях из двух поколений, одна четверть или 22,5% — в семьях из одного поколения, т. е. родители без детей, и лишь около 8% — в неразделенных семьях из трех и более поколений⁴⁰. Семья небогатого горожанина состояла в среднем из 3—4⁴¹, по некоторым подсчетам — 4—5⁴² человек. Однако преобладание малого типа семей в российских городах к концу рассматриваемого

ами периода не характеризует общую демографическую ситуацию по России в целом, так как большинство населения занималось сельским хозяйством, а процесс урбанизации вследствие быстрого роста территории (Поволжье, Приуралье, Сибирь, Дальний Восток) при исключительной малонаселенности шел медленно. Следует учесть, что на появление малой семьи могли воздействовать обстоятельства, не связанные с внутренним развитием семейных структур. Само правительство было заинтересовано в создании большего количества облагаемых единиц — «тягол», для чего практиковались зачастую и насильственные разделы семей⁴³.

Существование обоих типов семейной организации (неразделенной и малой семей), прослеживаемое по материалам светской юрисдикции и документам имущественных сделок, — характерная черта демографической истории средневековой Руси и России начала Нового времени. Каноническая литература, всевозможные нормативные акты церковного происхождения демонстрируют несколько иную картину (преобладания малых семей), ведь адресатом многочисленных поучений был все-таки индивид, а не коллектив, пусть даже семейный. Этот вид историко-демографического источника вряд ли может помочь исследователю типологии и принципов родственной преемственности в средневековых русских семьях.

Благодаря церковным сборникам (покаяльникам, требникам, поучительной литературе, агиографии и т. п.) можно реконструировать демографические представления людей, их оценки тех или иных сторон демографического поведения. Именно этот вид источника позволяет усомниться в том, что венчальный брак или хотя бы «компромиссный вариант идеального супружества, выработанный светской и церковной властью»⁴⁴ стал в средневековой России повсеместно распространенным и господствующим.

Рассмотрим для этого способы заключения брака и правила вступления в него — позитивные (разрешительные) и негативные (запретительные).

О брачных обычаях, существовавших в Древней Руси до X в., когда было принято христианство, историки могут судить лишь по скудным описаниям Повести Временных лет (начало XI в.). «Умыкание у воды», совершавшееся на праздниках в честь бога «женитвы» Лада сохранялось в народе долго. Сколько ни назначали представителя клира епитимий за «тайнопоиманье» (свадьбу без участия церкви), им приходилось констатировать, что «у простых людех благословенья и венчанья не бывает», что они чаще «поимают жены своя с плясаньем, гуденьем и плесканьем»⁴⁵. Следы архаичной брачной традиции прослеживаются не только в фольклоре, но и в епитимийниках и требниках XIII—XV вв.⁴⁶ Резкое неприятие и этой формы «невенчаного брака» и более «цивилизованного» — брака-приведения с договорными элементами («поляне брачные обычаи имяху: не хожаше зять по невесту, но приводяху вечер, а завтра приношаху по ней, что вдадуче...»⁴⁷) отличает многие сборники проповедей православного духовенства. И все же упоминание в покаянной литературе об этих формах заключения семейных уз свидетельствует о разрешительности таких форм брачного поведения в древнерусском обществе.

Канонические сборники и памятники смешанной юрисдикции домонгольского времени резко осуждали посещение мужьями и женами игрищ, и дневных и ночных, особенно «опроче воле» супруга или супруги. Но в то же время это означает, что игрища и «поиманье жен у воды» влекли к себе всех: и молодежь, и супружеские пары — и появляться на этих сборищах не было зазорно даже замужней женщине одной, если на то было согласие мужа⁴⁸. К подобным отклонениям от моногамии — внебрачным связям — нетерпимо относилась только церковь, а общественное мнение допускало их. Тем более что несмотря на монополизацию церковью после 988 г. всех дел, связанных с заключением браков, и быстрым оформлением брачного канонического права, молодые люди считались супружеской парой не после венчания, а после свадьбы, свадебного пира, которые являлись выражением общественного признания заключенного союза⁴⁹. Позже, в России индустриального времени (XIX в.), в крестьянской среде сохранилось значение признания «миром» заключенного брака и осуждение супружеских сою-

зов, хотя бы и венчанных, но оформленных «втихую», без приглашения родственников и знакомых. В этом проявилась средневековая традиция вмешательства общины в жизнь индивида, недопущения какой-либо частной жизни крестьянина (тем более крестьянки)⁵⁰.

Внедрение в жизнь венчального единобрачия было главной целью духовных идеологов. По крайней мере в домонгольский период (до начала XIII в.) деятелям церкви время от времени приходилось иметь дело с открытым двоеженством⁵¹. Пока канонические сборники заверяли прихожан, что жить «бес стыда и срама с двумя женами» означает жить «скотски», и назначали отлучение от причастия. летописцы пристрастно фиксировали подобные ситуации⁵². О том же говорят и некоторые нормативные памятники, упоминающие, что «друзии (некоторые) наложницы водят яве (держат открыто) и детя родят, яко с своею (женою)», что в имуществе умершего главы семьи может возникнуть «прелюбодейна часть», полагающаяся незаконной, не «водимой» жене и детям от нее⁵³. Простой люд не знал многоженства, подобное было возможно лишь в среде зажиточной. Но, вероятно, во всех социальных стратах встречались случаи существования по крайней мере еще одной, второй, «незарегистрированной» семьи. Появление в летописях сообщений о побочных семьях в среде знати вызывалось и скандальностью самой ситуации, и в то же время ее распространенностью⁵⁴.

О неизживаемости и неистребимости, несмотря ни на какие идеологические атаки, браков без венца, существовавших во все времена на грани разрешенного и недопустимого, говорит и история древнерусского бракоразводного права. Если еще в католической Западной Европе существование долговременных внебрачных связей одного или обоих супругов может быть объяснено фактической нерасторжимостью брака⁵⁵, то в России XVI—XVII вв., развод (де-юре) существовал с древнейших времен. Иной вопрос — насколько реально расторгимым был церковный брак. Отсутствие разводных грамот от периода ранее XVI в.⁵⁶ может говорить не только о фактической нерасторжимости венчального брака в домосковской Руси, но и о том, что до этого времени не было необходимости юридически оформлять «ропуст»: он мог совершаться явочным порядком. История развода великого князя Василия III с Соломонией Сабуровой в 1526 г. представляет уникальной лишь в великокняжеской среде (как скандал в современной королевской семье Великобритании). В среде же «простецов», как позволяют догадаться епитимийные сборники, супругов, решившихся «пустить жену», и жен-«пущенниц», открыто живущих с новыми «мужьями», было немало. Тема самовольных «ропустов» и побочных семей, несмотря на все сокращения текстов исповедных вопросников XVII в., так и не сошла с их страниц⁵⁷.

Между тем на Руси и в Московии для вступления в сам венчальный брак, столь пропагандируемый православной церковью, необходимо было соблюдение множества условий, которыми зачастую, вероятно, для «простеца» было легче пренебречь, чем задумываться о путях их выполнения. Одним из них был возраст: для женщин — (примерно) 13—14 лет, для мужчин — 15 лет; нечеткость в определении брачного возраста вплоть до Стоглава 1551 г. (Стоглав установил его для женщин в 12 лет, для мужчин — в 15 лет) была следствием пересекающегося влияния местных обычаев и элементов византийского законодательства. В реальной жизни возрастной ценз мог не соблюдаться, могли выдать замуж совсем маленькую девочку («младу сушу, осми лет»), «женить» подростка (будущий царь всея Руси Иван III был «опутан красною девицею» пяти лет от роду), однако такое наблюдалось, судя по нарративной литературе, главным образом в великокняжеской среде. С XV в. действовал запрет митрополита Фотия «венчать девицок меньше двенадцати лет»⁵⁸, однако и при Петре I, и позже низкий брачный возрастной ценз в России сохранился⁵⁹.

Православная церковь X—XV вв. препятствовала, насколько это было ей под силу, заключению браков с иноверцами. За преступное («недостойное зело и неподобное») «тайнопоиманье» с иноверцем «русска» могла наказываться в XI в. насильным пострижением в монашество, в XII—XIII вв. — денежным штрафом, однако это вряд ли практиковалось в жизни: покаянная литература об этом

молчит, а нарративная полна сообщениями о династических браках между православным русским и католическими европейскими королевскими дворами. Активное освоение русскими колонизованных в XVI—XVII вв. территорий, растущее количество национально-смешанных и религиозно-смешанных браков заставили духовных идеологов несколько сместить акценты в их проповедях: нормой стали призывы обращать супругов и супруг-иноверок в православие, причем обращать ненасильственно⁶⁰. Религиозно-смешанный брак помогал вовлечь в сферу влияния боярина или князя еще одного человека, и таким бракам перестали препятствовать⁶¹. Среди грамот Коллегии экономии можно найти немало примеров религиозно-смешанных браков крестьян и холопов, относящихся ко второй половине XVII в.⁶²

Противоречие между нормами, проповедуемыми православными идеологами, и реальной жизнью отчетливо заметно и при рассмотрении брачных запретов, связанных с недопущением венчальных браков между представителями разных социальных страт⁶³. Формально даже представителям высших сословий не было дано права нарушать в браке сословные границы⁶⁴. Но летописные сообщения о распространенности сожительства князей с простолюдинками создают представление о достаточно условном соблюдении этого предписания. Креститель Руси великий князь Владимир был сыном великого князя Святослава Игоревича и ключницы его бабушки; один из галицких князей получил даже «отчество» (правильнее назвать его прозвищем или «матерством») по имени своей незнатной и не венчанной с отцом матери (Настасьич)⁶⁵. Несмотря на все поучения о том, что мезальянс ведет ко «злу и неистовству», несмотря на существование правила, по которому женившийся на несвободной терял свой высокий социальный статус и принимал статус жены (чего не происходило в обратной ситуации: при муже-холопе свободная жена и дети от этого брака не всегда могли быть причислены к холопам⁶⁶), такие браки продолжали существовать⁶⁷. О том, как они оценивались общественным мнением, данных нет.

При сопоставлении брачных предписаний в некоторых странах средневековой Западной Европы и России обращает на себя внимание общее для обоих рассматриваемых регионов право господина разрешать и формировать браки между принадлежащими ему крепостными крестьянами⁶⁸. Однако действовавшего в ряде европейских стран права запрещать браки с крестьянами иного социального положения, в том числе свободными, у русских вотчинников и помещиков не было (имелось, как уже сказано выше, лишь дидактическое пожелание в канонических текстах⁶⁹). Это оказывало прямое влияние на демографическое поведение русских крестьян. Со времен «Русской Правды» (XI в.) число социально-смешанных браков к XVII в. не уменьшилось, порождая многочисленные судебные разбирательства о том, к какому социальному рангу следует причислять в них «женок» и «чад» холопов⁷⁰. Любопытно, что столетие спустя, в конце XVIII — начале XIX в., дальновидные помещики ничуть не противились появлению среди крестьян браков малоимущих крепостных с выкупившимися зажиточными крестьянами: граф Н. П. Шереметев вообще считал, что тому надо «всеми мерами способствовать, а не развращать бедностию»⁷¹.

Возвращаясь к вопросу о средневековых брачных ограничениях в системе православного канонического права, отметим, что нормы христианской морали позволяли не более двух браков в жизни. В феодальных республиках позволялся и третий брак после смерти второго супруга (супруги) — «аще кто будет млад, а детей не будет ни от перваго брака ни ото втораго». Четвероженца же если не проклинали, то надолго лишали причастия: «первый брак — закон, второй — прощение, третий — законопреступление, четвертый — нечестие, понеже свиньское есть житие»⁷². Эти нормы дожили без изменений до Стоглава. А жизнь брала свое. Митрополит Иона в своих посланиях жителям Вятской земли конца XV в. укорял, что «инии деи венчаются незаконно... четвертым и пятым съвкуплением, а инии шестым и седмым, олинъ (один) и до десятого...»⁷³. Никакого общественного осуждения вторых и даже третьих и последующих браков ни в

нарративной литературе, ни в фольклоре рассматриваемого времени не прослеживается. Ничего подобного западноевропейским «кошачьим концертам», устраиваемым шари-вари под окнами нарушивших общепринятое табу⁷⁴ в Московии XVI—XVII вв. (а тем более ранее) не было. Позже же в крестьянской среде возникли присловья и поговорки, оправдывавшие необходимость вступления в новый брак⁷⁵.

Очень строгими были в средневековой Руси и Московии XVI в. брачные запреты, связанные с инцестом. Запрещалось вступление в брак не только с лицами, близкими по крови, но и по свойству, а также родству возможному или будущему. Родственниками же считались люди, имевшие отношение друг к другу, начиная с 6-й степени (колена) родства и свойства, а интимной связью между ними объявлялись даже объятия и танцы с ними⁷⁶. Реальное положение дел, вероятно, было не столь удручающим, прежде всего потому, что проверить наличие более или менее далеких родственных отношений было затруднительно⁷⁷. Однако летописи XI—XVI вв. не приводят примеров близкородственных браков (например, между кузеном и кузиной)⁷⁸.

Сохранение невинности до брака древнерусские законы не рассматривали как условие для его заключения. Девственности до брака они требовали только от невест священнослужителей, а с людей мирских брался штраф, если «замуж пошла нечиста»⁷⁹.

В то же время и в Древней Руси и позже, в XIV—XVI вв., существовали некоторые условия, без соблюдения которых не обходилось создание ни одной новой супружеской пары, поскольку заключение брака у древних руссов и московитов с XII—XIV вв. предполагало выполнение необходимых обрядов, церковных и светских⁸⁰. Предсвадебье включало брачный сговор (помолвку, обручение), сопровождавшийся трапезой, и составление в той или иной форме брачного договора («ряда»). Свободное волеизъявление будущих супругов, казалось бы, в расчет не бралось, но в нормативных памятниках канонического происхождения содер­жатся косвенные свидетельства о том, что зачастую его приходилось учитывать. Речь идет о пенях, налагавшихся на родственников, если они препятствовали заключению брака или доводили одного из потенциальных супругов до самоубийства из-за брака поневоле⁸¹. Что же касается брачного договора, то на протяжении рассматриваемых нами столетий можно заметить постепенное смещение акцентов в его формуляре, превращение его из договора между родственниками или родителями жениха и невесты в договор между самими новобрачными. Впрочем, в знатных семьях и в XVI в., и позже брачный договор впервые вступающих в брак подписывали родители⁸². Заключение брака между вступающими в него во второй раз могло происходить и без участия родственников⁸³.

Что касается холостой жизни, то отношение к ней было почти одинаковым в разных социальных стратах. Крестьянское хозяйство могло нормально функционировать лишь при наличии в нем и мужских, и женских рук. Поэтому весь русский фольклор пестрит присловьями о тяжести и неестественности холостой (незамужней) жизни⁸⁴. Образованная и конформная по отношению к православным постулатам часть московского общества должна была бы относиться к холостяцкой жизни иначе. Однако воззрения на брак (венчанный и даже невенчанный) как на неизбежность пронизывают всю древнерусскую литературу и нарративные (в том числе церковно-дидактические) памятники XVI—XVII вв. Причина отличий от Западной Европы⁸⁵ — в разрешительности брака для священников в православных странах, необходимости, — признанной уже в XII—XIV вв., — не столько стремиться к аскетическому безбрачию, сколько в браке жить целомудренно. В Западной Европе, в отличие от православной Руси, действовал запрет для священников обзаводиться семьей, несравненно большим (от отношению к численности населения) было количество монастырей и монахов⁸⁶. Результатом же различного хода социокультурных и ментальных трансформаций стали различия и в демографических представлениях, и в демографическом поведении.

Размеры статьи не позволяют рассмотреть с необходимой полнотой другие аспекты истории древнерусской семьи, в том числе, например, проанализировать системы «нормального» и «отклоняющегося» (девиантного) поведения, специфичные для разных уровней родства, соответствие «нормы» и «действительности» во внутрисемейных отношениях. Это тема особая⁸⁷.

Однако и вопросы типологии русских семей X—XVI вв., и принципы организации в них родственной преемственности, и правила вступления в брак, рассмотренные нами выше, позволяют сделать вывод о многообразии семейных ячеек и сравнительно широком распространении и в городе, и в деревне как сложных, многоячейных домохозяйств, так и малых, нуклеарных. И неразделенные (сложные), и нуклеарные (простые) семейные группы существовали во всех социальных и имущественных стратах. Длительное существование неразделенных семей, равно как очень прочных родственных связей между малыми, простыми семьями оставалось характерным для России и в периоды относительной политической стабильности, и тем более в эпохи разнообразных катаклизмов, когда любой семье любого социального уровня легче было сохраниться, не «отделяясь», а, напротив, «объединяясь» с родственными.

О сосуществовании разных типов семейной организации (и необходимости большой осторожности в выводах о преобладаниях того или иного из них!) говорит сохранение в России допетровского времени двух тенденций в системе частного права. С одной стороны, для Московии XVI—XVII вв. было характерно существование родственной преемственности через моральные (имена) и особенно материальные атрибуты родства — семейную собственность, что показывает стабильность принципа семейного совладения, общности имуществ. С другой стороны, оставалась традиционной и определенная имущественная самостоятельность супругов (в том числе — женщин): наличие у них собственных выделов и частей, имущественно-правовое обеспечение жен, сестер и дочерей, подробно разработанное в законах и ранних эпох (домонгольского периода), и Нового времени.

Обращение к каноническим памятникам вкуче с нарративной литературой, актами, эпиграфическими источниками позволило сделать вывод и о том, что формально осуждаемых, но фактически допускаемых форм внебрачных союзов (основывающихся на «предбрачных» связях и адюльтере) было много. Вместе с ранним брачным возрастом, практическим отсутствием контрацепции и, следовательно, высокой рождаемостью, социогеографическими факторами (наличием значительного количества свободных территорий, малочисленностью городского населения и несущественностью издержек урбанизации) они *создавали условия для избыточности воспроизводственных возможностей*. Мозаика собранных фактов не всегда давала возможность проследить взаимосвязь и соотношение демографических представлений и демографического поведения, однако различия между «нормой» и «реальностью» заставают исследователя, как нам представляется, задуматься, насколько верен тезис о традиционном законопослушании наших предков, о соответствии их повседневного быта пожеланиям православных идеологов.

Примечания

¹ Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 188—209; см. также: Шелестов Д. К. Историческая демография. М., 1987. С. 154—166. О «новой демографической истории» см.: Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в Средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991.

² Goody J. The Evolution of the Family//Household and Family in the Past Time. Cambridge, 1972. P. 124.

³ Б. Д. Греков утверждал, что у восточных славян преобладали большие патриархальные семьи, которые в VII—IX вв. распались (Греков Б. Д. Большая семья Русской Правды и Полицкого статута//Греков Б. Д. Избранные труды. Т. 2. М., 1959). М. О. Косвен оспаривал это и полагал, что на Руси преобладали «патронимии» — «родственные группы, состоящие из меньшего или большего числа

отдельных, но все же связанных между собою семей» (Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 4.). См. также: Рапов Ю. М. Была ли вервь «Русской Правды» патронимией? // «Советская этнография» (далее — СЭ). 1969. № 3; Фроянов И. Я. Семья и вервь Киевской Руси // СЭ. 1972. № 3; Щапов Я. Н. Большая и малая семьи на Руси в VIII—IX вв. // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 180—183.

⁴ О «сложном» типе семьи (две-три неразделенные семейные группы, главным образом семьи братьев) и смене его в начале XVI в. «простым» типом (супружеская пара с детьми) см.: Шапиро А. Л. Об имущественном неравенстве и социальном расслоении русского крестьянства в эпоху феодализма // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960. С. 30.

⁵ О «разрыхлении» семейных структур и линияжей см.: Cammarosano P. Les structures familiales dans les villes de l'Italie communale // Famille et parenté de l'Occident médiéval. Rome, 1977. P. 181—194.

⁶ «В такой модели женщины-матери очень молоды, чаще много моложе своих мужей, живут в неразделенных, сложных (multiple) домохозяйствах и не имеют слуг. Географически западная модель с нуклеарными семьями отделена от восточной условной чертой от Балтики вниз через страны Центральной Европы...» (Lazlett P. Characteristics of the Western Family Considered Over Time // Journal of Family History. Minneapolis, 1977. V. 2. № 2. P. 91). Ср.: Фроянов И. Я. Указ. раб. С. 95—96; Горемыкина В. И. Об общине и индивидуальном хозяйстве в Древней Руси // История СССР. 1973. № 5. С. 128—145.

⁷ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 155—157; см. также: Свердлов М. Б. Семья и община в Древней Руси // История СССР. 1981. № 3. С. 105.

⁸ Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. № 3; Власова И. В. Семья // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 361—363. На коллоквиуме «Семья и отношения родства на средневековом Западе» Ж. Дюби обратил внимание на увеличение в эпоху развитого средневековья числа линияжей с неразделенным семейным владением. То же мы можем наблюдать и в средневековых русских княжествах (См.: Пушкарева Н. Л. Указ. раб., С. 113—139). Ж. Дюби поставил вопрос о том, имела ли место в среде простонародья противоположная тенденция — к ослаблению оков родственной группы и укреплению малой супружеской семьи. (См.: DUBY G. Presentation de l'enquete sur «Famille et sexualité au Moyen Age» // Famille et parenté dans l'Occident médiéval. Rome, 1977. P. 9—11.

⁹ Schuler Th. Familien im Mittelalter // Familien in der Geschichte. Göttingen, 1982. S. 28—60.

¹⁰ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. СПб., 1903. С. 893. «Домострой» под семьей подразумевает линияж.

¹¹ Там же. С. 140. И. И. Срезневский приводит наиболее ранний пример, относящийся к середине XVI в.

¹² Повесть временных лет / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Ч. 1—2. М.; Л., 1950. (далее — ПВЛ). С. 14 («живяху кождо с своим родом...»).

¹³ Русская Правда. Пространная редакция // Российское законодательство X—XX вв. Т. 1 / Отв. ред. В. Л. Янин. М., 1984. Ст. 7. С. 64.

¹⁴ Экземлярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 1—2. СПб., 1891.

¹⁵ Зализняк А. А. Словоуказатель к берестяным грамотам // Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1977—1983 гг. М., 1986. С. 260—307.

¹⁶ Никонов В. А. Словарь русских фамилий. М., 1993. С. 4.

¹⁷ Подробнее см.: Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. С. 21, 66.

¹⁸ Симица Г. Я. Фамилия и прозвище // Ономастика. М., 1969. С. 243; Unbegaun B. Russian Surnames. Oxford, 1972. P. 14.

¹⁹ См.: Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. IV. СПб., 1848. Псковская первая летопись. Под 1198 (6706) г.

²⁰ Аналогии этому см.: Werner K.-F. Liens de parenté et noms de personne: Un probleme historique et methodologique // Famille et parenté dans l'Occident médiéval. Rome, 1977. P. 13—18, 25—34.

²¹ Никонов В. А. Флаг семьи // Никонов В. А. Словарь русских фамилий. С. 205—206.

²² См., например: Акты Соловецкого монастыря 1479—1571 / Сост. И. З. Либерзон. М., 1988. С. 16—17 и далее; Новгородские записные и кабальные книги 1591—1596 гг. М.; Л. 1938. С. 2.

²³ Пушкарева Н. Л. Имущественные права женщин на Руси X—XV вв. // Исторические записки. Вып. 114. М., 1986. С. 180—225.

²⁴ Пергамент О. К вопросу об имущественных отношениях супругов по древнейшему русскому праву // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1894. № 11; Азаревич Д. И. Семейные имущественные отношения по русскому праву // Журнал гражданского и уголовного права. СПб., 1883. № 4; Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. СПб., 1879. Т. 2. С. 291—315.

²⁵ Пушкарева Н. Л. Имущественные права... С. 181—187.

²⁶ Там же. С. 213.

²⁷ См. также: Pushkareva N. The Russian Women and her Property and the Legal Status: Was the XVIth Century a Turning Point? // La donna nell' economia XII—XVIII ss. Istituto Internazionale di storia economica «F. Datini» XXI Settimana di Studi. A cura di S. Cavaciocchi. Firenze, 1990. P. 597—605.

²⁸ Беляев П. И. Анализ некоторых пунктов древнерусского завещания. М., 1897. С. 63—64; Товстамес Н. Н. Свобода завещательной воли по русскому праву в различные периоды его развития // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1902. № 8.

²⁹ Кавелин К. Д. Взгляд на историческое развитие русского порядка законного наследования. СПб., 1880.

- ³⁰ Pushkareva N. The Russian Women and Her Property... P. 598—600.
- ³¹ Kaiser D. Women's Property in Moscovite Families 1500—1725//Paper, presented for Conference «Women in the History of Russian Empire». Kent, Ohio, 1988. P. 16.
- ³² Pushkareva N. The Russian Women and Her Property. P. 600—602.
- ³³ Развитие русского права в XV — первой половине XVII вв. М., 1986. С. 143.
- ³⁴ О «разрыхлении» см.: Camarosano P. Les structures familiales dans les villes de l'Italie communale (XII—XIV siècles)//Famille et parente dans l'Occident medieval... P. 181—194, 204. См. также: Laslett P. La famille et le menage: approches historiques//Annales. P. 1972. № 4—5.
- ³⁵ Подробнее см. в работах: Миненко Н. А. Городская семья в Западной Сибири на рубеже XVII—XVIII вв.//История городов Сибири досоветского периода (XVII — начало XX вв.). Новосибирск, 1977. С. 195; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 192. Хозяйственная самостоятельность молодых семей и неженатых сыновей при жизни отца была явлением исключительным. См. об этом на материалах Западной Европы: Camarosano P. Op. cit. P. 188.
- ³⁶ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962. С. 128—129; Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. М., 1976. С. 39—40.
- ³⁷ Шапиро А. Л. Об опасности модернизации экономической истории русского крестьянства XVII — первой половины XVIII в.//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. М., 1961. С. 62.
- ³⁸ О frêgêche — семейных объединениях нескольких братьев — в Европе см.: Laslett P. Household and Family in the Past Time... P. 31. Ср.: Рабинович М. Г. Указ. раб. С. 183; Чечулин Н. Д. К вопросу о численности посадского двора в XVII в.//Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1891. Ч. 274. Март. С. 18—29.
- ³⁹ Вдовьи семьи занимали второе место по распространенности после отцовских и составляли до одной пятой общего числа семей (Рабинович М. Г. Указ. раб. С. 186).
- ⁴⁰ Там же. С. 182.
- ⁴¹ Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889. С. 27—32; Ланно-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве от времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 516—517.
- ⁴² Водарский Я. Е. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в.//Города феодальной России. М., 1966. С. 276; Laslett P. Op. cit. P. 142; Mitterauer M. Vorindustrielle Familienformen. Zur Funktionsentlastung des «ganzes Hauses» im 17. und 18. Jh.//Wiener Beitrage zur Geschichte der Neuzeit. Wien, 1975. Bd. 2. S. 123.
- ⁴³ Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической экспедицией Академии наук/Под ред. Н. И. Костомарова. СПб., 1846. Т. 2. № 78. С. 226.
- ⁴⁴ Бессмертный Ю. Л. К изучению матримониального поведения во Франции XII—XIII вв.//Одиссей. 1989. М., 1989. С. 98—113.
- ⁴⁵ ПВЛ. Ч. 1. С. 14; Канонические ответы митрополита Иоанна II (XI в.)//Русская историческая библиотека. (далее — РИБ). Т. VI. СПб., 1910. С. 18.
- ⁴⁶ Подробнее см.: Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси... С. 222. Сн. 2.
- ⁴⁷ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. СПб., 1848. С. 6.
- ⁴⁸ Устав князя Ярослава о церковных судах (XI в.)//Российское законодательство X—XX вв. (далее — РЗ). Т. I. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 192.
- ⁴⁹ Подробнее см.: Pushkareva N. L. Women in the Medieval Russian Family of the Teth through Fifteenth Centuries//Russia's Women. Accomodation, Resistance, Transformation. Berkley; Los Angeles; Oxford, 1991. P. 32.
- ⁵⁰ Миронов Б. Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX вв.//Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. С. 83—105.
- ⁵¹ Канонические ответы митрополита Иоанна II//РИБ. Т. VI. С. 18. Ст. 30; см. подробнее о браках в среде непривилегированных сословий: Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI—XIII вв. М.; Л., 1966. С. 192.
- ⁵² ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Под 980 г. С. 34; Т. 2. СПб., 1910 г. Под 1173 г. С. 106; под 1187 г. С. 135—136. В жизнеописаниях князей и бояр более позднего времени (XIII—XVI вв.) упоминаний о побочных семьях нет.
- ⁵³ Вопросы Кирика, Саввы и Ильи с ответами на них Нифонта, епископа новгородского (XII в.)//РИБ. Т. VI. С. 69—70; Указ князя Всеволода о церковных судах//Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. Законодательство Древней Руси/Отв. ред. В. Л. Янин. М., 1984. С. 250—254.
- ⁵⁴ В западноевропейской литературе в настоящий момент также высказано немало сомнений в том, что «средневековое общество кишело бастардами». См.: Toubert P. Le Latium meridional et la Sabine du IX-e s. — la fin du XII-e s. Rome, 1973. P. 780; (см. там же гл. «Семейные структуры». С. 693—787).
- ⁵⁵ Подробнее см.: Fladrin J.-L. Familles. Parente, maison, sexualite dans l'ancienne societe. P., 1976. P. 31; Бессмертный Ю. Л. К изучению матримониального поведения во Франции... С. 104.
- ⁵⁶ Цатурова М. К. Русское семейное право XVI—XVIII вв. М., 1991. С. 5—29.
- ⁵⁷ Алмазов А. Тайная исповедь в православной восточной церкви. Т. III. Одесса, 1894. С. 273—279.
- ⁵⁸ Послание митрополита Фотия. XV в.//РИБ. Т. 6. С. 275, 284, 918—919; ПСРЛ. Т. II. Под 1187 г. С. 136; Инок Фомы слово похвальное. Публ. и подгот. текста Н. П. Лихачева. СПб., 1908. С. 37—38, 46, 51; Стоглав. 1551 г.//Российское законодательство... Т. II. М., 1985. С. 344—349.
- ⁵⁹ Ср. в Европе: Hajnal J. European Marriage Patterns in Perspective//Population in History. L., 1965. P. 101—143.
- ⁶⁰ Павлов А. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904. С. 71 (предписывается «наказати всякими мерами» за насильственное обращение в

православие в XVII в.); Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 42 (о этно-смешанных браках).

⁶¹ Ср. в Европе. См.: *Esmein A. Le mariage en droit canonique*. P., 1891. Т. 1. Р. 264—267.

⁶² Например, в 1656 г. «девку жидовку, звали ее Иродилкою», взятую в полон в Дубовне, крестил в православие под именем Варьки, после чего оформили крепость и выдали замуж (см.: РГАДА, Ф Коллегии экономии. № 43156. 1656 г.). Другие примеры см.: Яковлев А. И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М.; Л., 1943. С. 142—143.

⁶³ Ср.: *Martin O. Histoire de la coutume de Paris*. P., 1922. Т. 1. Р. 137—141.

⁶⁴ *Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века*. С. 196—197.

⁶⁵ Подробнее см.: *Пушкарёва Н. Л. Женщины...* С. 21, 37, 149, 229.

⁶⁶ РИБ. Т. VI. Ст. 13. С. 7; см. подробнее: *Пушкарёва Н. Л. Женщины...* С. 76, 222.

⁶⁷ «Пчела» (XV в.) // Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. Ф. № 1. № 44. Л. 184; *Пушкарёва Н. Л. Женщины...* С. 224.

⁶⁸ *Schroter M. «Wo zwei zusammenkommen in rechten Ehe». Sozio-und psychogenetische Studien ber Eheschiessungsvorgänge vom 12. bis zum 15. Jh. München, 1986. S. 205—207. Anm. 258; Габдрахманов П. Ш. Брачная политика сеньоров и брачное поведение сервов в средневековой Франции // Женщина, брак, семья до начала Нового времени. М., 1993. С. 22—37. Церковные поучения в Московии XV—XVII вв. даже призывали холоповладельцев побуждать принадлежащих им крестьян и холопов к браку и упоминали о возможности наказания для «[г]осподина, аще робы на дасть замуж» — считалось, что он потворствует «блуду» (подробнее см.: *Требник XV—XVI вв.* // Коллекция рукописей Хилландарского монастыря (Греция). № 378. Л. 150-прав.; *Пушкарёва Н. Л. Женщины...* С. 74). Аналоги можно найти и в германском праве, где существовали понятия *Heiratszwang* (принуждения к браку) или *Heirats-gebot* (брачного приказа), замененного позже на *Heiratsurlaubnis* — разрешения на брак (*Schwab D. «Heiratsurlaubnis» // Handwörterbuch zur Rechtsgeschichte*. В., 1971. S. 68). В вотчинах же Шереметевых в конце XVIII в. с не вступивших в брак взрослых крестьян (и крестьянок!) бралось нечто вроде «налога за бездетность» («оброк с не имеющих ко вступлению в брак препятствий»). См.: *Шенетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых, 1708—1885*. М., 1947. С. 116.*

⁶⁹ В вотчинах Шереметевых было предписано лишь «с тех, кто женится на посторонних, собирать в казну помещика — Н. П.] 100 руб.» (Ответные пункты Н. Шереметева на запросы крестьян 1800 г. // РГАДА. Ф. Коллегии экономии Шереметевых (далее — Ф. Ш.). № 1318. Л. 26—27).

⁷⁰ *Яковлев А. И. Указ. раб.* С. 117—137.

⁷¹ Приказы домовой канцелярии в Юхотское вотчинное правление 1797 и 1802 г. // РГАДА. Ф. Ш. № 1318. Л. 117.

⁷² РИБ. Т. VI. С. 204, 274, 281 (1410 г.); *Пушкарёва Н. Л. Женщины...* С. 76.

⁷³ Стоглав. 1551 г. Гл. 69 // РЗ. Т. 2. С. 344—349; Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1841. Т. 1. № 267. С. 498; № 261. С. 491.

⁷⁴ *Бессмертный Ю. Л. Демографическое поведение и демографические процессы во Франции IX—XV вв.* // Женщина, брак, семья до начала Нового времени. М., 1993. С. 7—21.

⁷⁵ Второй брак не осуждался: «Первая жена от бога, вторая — от человека», но непризнание церковью третьего брака выразилось в добавлении к этой поговорке: «а третья — от черта» (См.: *Мионов Б. Н. Указ. раб.* С. 93).

⁷⁶ Подробнее см.: *Puschkareva N. Sexualbeziehungen im Alten Russland (X—XV Jh.) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1994. Bd. 38. Hf. 2; *Levin E. Sex and Society in the World of Orthodox Slavs*. Bloomington, Indiana, 1989.

⁷⁷ Если бы запрет о браках до 7 колена выполнялся, он должен был бы коснуться 2731 родственника. См.: *Фландрен Ж.-Л. Семья: родня, дом, секс при «старом порядке» // Идеология феодального общества в Западной Европе: Проблемы культуры и социально-культурных представлений средневековья в современной зарубежной историографии*. М., 1980. С. 262.

⁷⁸ Подробнее о династических браках см.: *Kollmann N. S. The Boyar Clan and Court Politics: The Founding of the Moskovite Polical System // Cahiers du Monde russe et soviétique*. P., 1982. V. 23. № 1. P. 5—31; *Eadem. The Seclusion of Elite Moskovite Women // Russian History*. Columbus, Ohio, 1983. V. 10. Pt 2. P. 170—188.

⁷⁹ РИБ. Т. VI. С. 46, 924; *Пушкарёва Н. Л. Женщины...* С. 224. Сн. 28.

⁸⁰ Вначале венчальные обряды совершались лишь при заключении княжеских и боярских браков. В летописях (до середины XVI в.) нет описаний венчания — заключаемого супружеского союза. Первые свадебные записи с упоминанием венчания относятся к XV в. Перводной чин венчания в древнерусских требниках появляется в XIII—XIV вв. Подробнее см.: Чин свадебный XVI в. // *Русский филологический вестник*. Т. 75. Варшава, 1916. Кн. 1/2. С. 41—47.

⁸¹ Устав князя Ярослава Владимировича (XI в.). Ст. 20, 26, 27 // РЗ. Т. 1. С. 190—191.

⁸² Подробнее см.: *Пушкарёва Н. Л. Женщина в древнерусской семье X—XV вв.* // Советская этнография. 1988. № 4. С. 89.

⁸³ Такой случай представляет знаменитая новгородская берестяная грамота «Поиди за мене...» См.: *Арицховский А. В. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1958—1961*. М., 1962. С. 103.

⁸⁴ «Холостой — что бешеный. Холостой — полчеловека», «Без мужа жена — всегда сирота», «Птица крыльями сильна, жена мужем красна», «Жизнь без мужа — поганая лужа». Подробнее см.: *Желобовский А. И. Семья по воззрениям русского народа, выраженным в пословицах и других произведениях народно-поэтического творчества*. Воронеж, 1892; *Кузнецов Я. Положение членов крестьянской семьи по народным пословицам и поговоркам*. СПб., 1904.

⁸⁵ Ю. Л. Бессмертный полагает, что «холостое состояние женщин и особенно мужчин воспринима-

лось как более чем обычное» во Франции XI—XV вв. // *Бессмертный Ю. Л. Демографическое поведение...* С. 11.

⁸⁶ Литературу см.: *Пушкарева Н. Л. Женщина, семья, сексуальная этика в православии и католицизме: перспективы сравнительного подхода* // *Этнографическое обозрение*. 1995. № 3.

⁸⁷ Там же. С. 70—104; *Levin E. Childbirth in Pre-Petrine Russia: Canon Law and Popular Traditions* // *Russia's Women. Accommodation, Resistance, Transformation*. Berkley; Oxford, 1991. P. 44—60; *Listova T. A. Russian Rituals, Customs and Beliefs Associated with the Midwife (1850—1930)* // *Russian Traditional Culture. Religion, Gender and Customary Law*. L. 1992. P. 146—159.

Russian family of the X—XVII centuries in the «new» and «traditional» demographic history

The article presents an observation of factors and social values which influenced demographic strategies and marriage traditions of ancient Rus and Moscovites of XVI—XVII. The particular forms of marriage are studied in the context of the whole set of social relations.

The author come to the conclusion that beside the marriages, confirmed by Church, there were also rather widespread unofficial sex relations that served for improving demographic situation.

N. L. Pushkarieva

© 1996 г., ЭО № 3

Л. Н. Ч и ж и к о в а

К ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ РЯЗАНСКОГО КРАЯ

Русский народ, расселенный на обширной территории, при свойственной ему общности самосознания, языка и культуры разделяется на крупные и более мелкие историко-культурные подразделения, сформировавшиеся в результате исторического развития. По особенностям говоров и бытовой культуры населения выделяются севернорусская, среднерусская и южнорусская историко-культурные зоны. Южнорусские черты в культуре и «акающий» диалект свойственны русскому населению обширной территории, простирающейся от бассейна р. Оки до р. Хопра и среднего течения р. Дона. Среднерусская зона в основном расположена в междуречье Оки и Волги. Рязанский край находится в смежных районах среднерусской и южнорусской зон. Сложившиеся здесь особенности этнокультурной ситуации обусловлены длительными и многообразными историческими и социально-экономическими процессами, происходившими на данной территории, и представляют большой интерес с точки зрения историко-сравнительного изучения русской традиционной культуры¹.

Рязанский край расположен в центральной части Русской равнины в бассейне среднего и отчасти нижнего течения р. Оки, в пределах лесной зоны — в заокских районах, лесостепи — к югу от Оки. Рязанские земли относятся к районам сравнительно ранней славянской колонизации. Русские летописи связывают ареал верхней и средней Оки с территорией расселения вятичей. Массовые вторжения славян в приокские земли исследователи относят ко второй половине I — началу II тыс. н. э. По мнению В. В. Седова, в начале VIII в. на верхнюю Оку пришла группа славян с юго-запада, позднее славяне осваивают бассейн средней Оки вплоть до р. Прони. В XI в. вятичи из верхнеокского региона заселили бассейн Москва-реки. В рязанском бассейне р. Оки обнаружены более поздние курганы вятичей (XII—XIII вв.)².

Другой славянский колонизационный поток направлялся с юга — с верхнего Дона. Некоторые исследователи (А. А. Шахматов, А. Л. Монгайт и др.) предполагали,